

Борьба Полоцкой уездной милиции с бандитизмом в Полоцком уезде в начале 1920-х гг.

Сумко Е.В.

Борьба с бандитизмом не была прерогативой только какой-то одной силовой структуры. В зависимости от конкретных обстоятельств в борьбу с ним включались органы государственной безопасности, части особого назначения, армейские подразделения, а также милиция и уголовный розыск. Об этом свидетельствуют архивные документы, а также воспоминания очевидцев. Например, Арсений Григорьевич Зверев (советский государственный деятель, в последствии министр финансов СССР) вспоминал следующее: «..в марте 1922 года я попал в ЧОН, действовавшую как заслон вдоль польской границы на участке Минск — Столбцы. Бандиты просачивались здесь постоянно. Чаще всего мы ловили савинковские «пятерки». Но дважды нас бросали на преследование крупных банд, прорвавшихся к Полоцку, и один раз — к Слуцку» [3].

В условиях сложной внутривластной обстановки 15 октября 1920 года вышла инструкция об организации милиции по принципу Красной Армии, в которой указывалось, что «целью такой организации является создание из милиции боевых единиц, которые могут в нужный момент сконцентрированы в любой части губернии и допользованы путем переброски для усиления охраны, ликвидации выступлений бандитских шайк и т.д.» [8, с. 50]. Необходимо отметить, что в советской историографии, донесениях, рапортах и сводках ЧК термином «бандитизм» назывались как проявления исключительно криминального характера, так и различные антисоветские выступления. Тесное переплетение «политического» и уголовного бандитизма не позволяло провести достаточно четкие разграничения между преступлениями в реальном времени. Однако декрет ВЦИК от 20 июня 1919 г. «Об изъятии из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении», говоря о бандитизме, определял его, как «участие в шайке, составившейся для убийства, разбоя и грабежей, пособничество и укрывательство такой шайки» [7, с. 187]. В статье 76 УК РСФСР от 1922 года фиксировалось, что организация и участие в бандах (вооруженных шайках) и организуемых разбойных нападениях, ограблениях, налетах на советские и частные учреждения, отдельных граждан, в остановке поездов, безразлично, сопровождались ли эти нападения убийствами и ограблениями или не сопровождались, карались высшей мерой наказания с конфискацией всего имущества, с допущением по смягчающим обстоятельствам понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже трех лет со строгой изоляцией.

В начале 1920-х годах в пограничном Полоцком уезде действовали вооружённые формирования, которые преследовали разные цели — от политических до чисто экономических. Чаще всего совершались налёты на мельницы, хутора. Резонансным стало разбойное нападение осенью 1921 года на хутор Заболотье Артековичская волости, в ходе которого была зверски убита семья из 8 человек [6. л.67]. Иногда целью нападающих была ликвидация представителей местной власти. Необходимо отметить, что некоторые нападения носили явно выраженный антисемитский характер. Это проявлялось не только в Полоцком уезде, но и в пределах всей Витебской губернии.

Объектами для нападения становились тракты и железные дороги. Один из случаев разбойного нападения на пассажирский поезд приводит в своих воспоминаниях И.П. Дейнис: «было нападение на пассажирский поезд, идущий из Витебска в Полоцк. Нападение было произведено днём около станции Глушанино, там были тогда большие леса. Банда вышла из леса, остановила поезд и отцепила вагоны. Бандиты вошли в вагоны и начали проверку пассажиров с целью выявить коммунистов и комиссаров. Несколько человек им удалось захватить и они были расстреляны. В городе узнали о нападении под вечер. Немедленно были высланы туда вооруженные отряды и началось преследование

банды, но они совершив нападение, ушли за Двину в леса. Выяснилось, что это была одна из банд Савинкова» [2, с.100]

В борьбе с бандитскими формированиями Полоцкая уездная милиция сотрудничала с погранотрядами, которые сообщали о случаях нарушения границы, которая после подписания Рижского мирного договора прошла в непосредственной близости от Полоцка, местами в 25-30 км. [9, с.158]. После окончания военных действий в ходе польско-советской войны Полоцкий уезд был разбит на три района, каждый из которых в свою очередь делился на четыре участка. К первому району относились город Полоцк и 3 волости (Домниковская Петропавловская, Андреевская) с населением 52 142 человека, ко второму – 7 волостей (Бононская, Ветринская, Воронечская, Гомельская, Начская, Ореховская, Туровлянская) с населением 39 802 человек, к третьему – 9 волостей (Александровская, Владимирская, Вознесенская, Клястицкая, Ефросиньевская, Николаевская, Замшанская, Артеиковическая, Юровическая) с населением 65 647 [2, с.116]. На каждый район назначался один начальник, его помощник и пять старших милиционеров. Четыре старших конных милиционера руководили участками по одному на каждый, и один старший милиционер руководил резервом при районном начальнике В 1923 г. произошло укрупнение Полоцкого уезда. Два района Дриссенской милиции вошли в состав Полоцкой милиции как 4-й и 5-й районы. Вместе с Дриссенским уездом к Полоцкому уезду были присоединены Козьянская и Владимировская волости Городокского уезда. Для профилактики борьбы с бандитизмом проводилась работа среди населения. Губернскими структурными подразделениями был сформирован специальный фонд (мануфактура, соль, керосин, деньги) для премирования крестьян, которые сотрудничали с властями. В населённых пунктах были назначены уполномоченные на каждые 5 дворов, у которых брались расписки под страхом личной и имущественной ответственности за уклонение от заявления в случае появления подозрительных личностей. Практиковалось выселение родственников и всех вязанных с бандитами из пределов уезда. Кроме этого Полоцкая милиция проводила конфискацию оружия у населения.

К начальнику Полоцкой уездной милиции стекалась информация о ситуации в районах. Как правило, в рапортах сотрудники милиции сообщали данные от своих осведомителей: «получены мной секретные сведения, что на левом берегу у гр. Вронина. Собирается банда, действия носят политический и уголовный характер. Предводителем у них польский шпион. По ночам пьянствуют, играют в азартные игры. Хорошо вооружены....» [5, л. 4]. Чаще всего нападению из-за границы подвергались хутора Ореховской волости. Однако из-за того, что информация часто приходила с опозданием, а также из-за малочисленности милиционеров и отдаленности от мест происшествия в большинстве случаев преступники успевали до прибытия органов правопорядка пересечь границу и с добычей укрыться на польской стороне.

Деятельность отдельных бандитов местного происхождения была зафиксирована в некоторых волостях второго района Полоцкой уездной милиции, а именно Гомельской, Воронечской, Ветринской волостях. Начальник 2-го района неоднократно писал о том, что в лесу при деревнях Жабина и Косарево Бононской волости дислоцируется вооруженная банда в числе 4 человек, а также обнаружен бандит уголовного характера Афанасий Плакса, который «представляет собой скрывающегося дезертира и занимается воровством, живя в лесу» [6, л. 24]. Территорию Вознесенской, Николаевской, Александровской, Владимировской (3-й район Полоцкой уездной милиции) волостей контролировала группировка под руководством Игнатовича (Ильзенкова), штаб которой находился в деревне Подберезье Вознесенской волости [6, л. 66]. Как отмечалось в рапорте, она имела связь с зарубежьем. Кроме этого, начальник 3-го района Полоцкой уездной милиции неоднократно сообщал, что вооруженные шайки из Невельского уезда совершали вооруженные нападения на населённые пункты его района.

На протяжении 1922 года вопрос развития бандитизма в пределах Витебской губернии часто обсуждался на заседаниях исполнительных комитетов разного уровня. Одни представители власти видели причину в том, что «лучшее время для борьбы с бандитизмом (декабрь-февраль) не было использовано. ...Состав членов волисполкомов и райсоветов прескверный. Одна часть волостных работников находятся в связи с бандитами, а другая свои обязанности рассматривает как трудовинность» [1, с. 194].

Представители пограничных отделений обвиняли сотрудников милиции, особенно Вознесенской волости, в том, что они проявляют «преступную бездеятельность, если не соучастие» и тем самым способствуют распространению бандитизма [6, л.67]. Штаб управления Полоцкой уездной милиции быстро отреагировал на высказанные обвинения. В июне 1922 года по всем районам было разослан секретный циркуляр, которым предписывалось: начальникам районов вменить в обязанности волостным милиционерам прислушиваться ко всему происходящему в волости и после проверки сведений о появлении бандитов немедленно доносить, указывая количество и вооружение; еженедельно по пятницам нарочным присылать информацию о движениях бандитов; произвести фильтрацию волостных милиционеров путем их переброски в районы, которые далеко от места их рождения, так как всякое родство, кумовство может сыграть не малую роль в укрывательстве и пособничестве как бандитов, так и вообще преступного элемента; всех милиционеров имеющих отношение к укрывательству немедленно уволить [6, л.32].

Другие считали, что «бандитизм не искоренен только благодаря тому, что отряды и организации, ведшие борьбу, никогда не доводили дело до конца и сменялись, и сменялись с кинематографической быстротой» [1, с. 194]. Действительно проблемой бандитизма в Полоцком уезде кроме милиции занимались несколько структур: аппараты пограничных отделений, Витегуботдел ГПУ, роты ЧОН. Действия органов, причастных к борьбе с бандитизмом, не были согласованы. Отсутствовал обмен информацией. Распыление сил не давало возможности своевременно принимать меры против налетов и предупреждать крупные выступления. Серьезное препятствие для борьбы с бандитизмом власти видели в отношении населения. В сводках часто фиксировалось, что крестьяне избегают заявлять о проходе банд через свои селения. Причину поддержки со стороны населения, некоторые представители власти видели в «темноте и боязливости, покорности, они приписывают чуть ли не родственную связь с нечистой силой одному из руководителей банды Герасиму Брусененко – Шемелю» [6, л.67]. Другие считали, что «корни бандитизма лежат довольно глубоко, скрываясь в неустройстве советской действительности и неурегулированности многих острых вопросов в деревне» [1, с. 209]. Некоторые крестьяне, особенно малоземельные, сами принимали участие в нападениях.

Сотрудники милиции, в первую очередь агенты уголовного розыска, кроме выслеживания бандитов, занимались и проверкой настроений крестьянства, выявляя потенциально опасных и неблагонадежных элементов в этой среде. Показательными в этом отношении являются события в июле 1922 года, в которых были задействованы агенты Полоцкого уголовного розыска. 25 июля начальнику Полоцкой милиции пришло сообщение от Пограничного особого отделения №1 о том, что «21 июля бандитами была ограблена сплавная контора в имении Крашуты. Бандиты держат путь на Краснополье на серой и гнедой лошадях. Примите срочные меры к задержанию» [6, л. 36]. К месту совершения ограбления были откомандированы несколько солдат и два агента от уголовного розыска. В ходе расследования агенты выяснили, что бандиты скрывались с мест преступления с помощью провожатых по лесным малоизвестным дорогам. Агенты совместно с председателем Николаевского волисполкома отправились по направлению к хутору Ведето, где предположительно должны были укрыться грабители. Не доезжая до указанного хутора они переоделись, чтобы не вызывая подозрения узнать сколько приезжало бандитов, а заодно выяснить степень благонадежности местного населения. Разворачивающиеся события следующим образом описаны в отчете агентов: «Придя на

хутор, нас встретил один гражданин по фамилии Божья-Воля. Мы для цели испытания спросили: «приезжали ли наши?» Он ответил: «кто ваши?» Мы для цели испытания заявили ему, что мы сами бандиты и отстали от своей шайки. Тогда этот гражданин спросил у нас, знаем ли мы фамилии этих бандитов, мы сказали, что фамилии не знаем, знаем только приметы. Тогда он сказал: «да, проходили», накормил нас и велел прятаться в кустах, потому что часто бывает милиция. Мы пошли... Переоделись и вернулись в хутор, который обыскали, но ничего подозрительного не нашли» [6, л. 37]. Божья-Воля был арестован и отправлен в угрозыск. По пути дальнейшего следования агенты, используя подобные приёмы, выявили ещё одну неблагонадежную деревню Сельники Николаевской волости, о чём было сообщено начальнику особого отдела. Для «оздоровления» зараженных бандитизмом деревень и волостей практиковали воинский постой с возложением на население продовольственного обеспечения воинских частей.

Необходимо отметить, что некоторые нападения обставлялись таким образом, чтобы скомпрометировать советскую власть. Они осуществлялись лицами, переодетыми в красноармейскую форму или выдававшими себя за милиционеров. Хотя и сами красноармейцы доставляли беспокойство милиции. Отмечались случаи мародёрства с их стороны. В докладах об экономическом и политическом положении Витебской губернии за 1922 год часто встречалась информация о том, что некоторые кавалерийские части ведут себя с местным населением плохо, травят поля, луга, мобилизуют крестьянские подводы, иногда мародерствуют [1, с. 237].

Среди населения Полоцкого уезда стали распространяться слухи о том, что «налеты и грабежи, а также увоз лошадей производится не зарубежными бандитами, а своими же кавалеристами при помощи преступного элемента среди местного населения, указывающего места для грабежей» [4, л. 61]. Милиционеры занимались тщательным расследованием спорных ситуаций, что находило отражение в сводках под грифом «совершенно секретно», прикрепленных к отчетной документации, предназначенной для управления Полоцкой уездной милиции. Например, на протяжении только мая 1922 года во втором районе Полоцкой уездной милиции было совершено около 20 вооруженных налетов. В ходе расследования сотрудники милиции пришли к выводу, что все эти налёты и грабежи были совершены кавалеристами, стоявшими в Воронежской волости.

Весной 1922 года на заседании президиума губисполкома и губкома РКП(б) было решено ходатайствовать перед ВЦИК о выделении не менее 4 млрд. рублей, мануфактуры, соли и керосина для премирования крестьян - борцов с бандитами, а также обратиться в ЦК с просьбой мобилизовать 60 человек волостных работников из центральных губерний для Западного края [1, с. 195].

16 июля 1922 года на основании постановления ВЦИК в целях ликвидации бандитизма в Витебской губернии вводилось военное положение [1, с. 213]. Для объединения усилий в борьбе с бандитизмом в Полоцке 25 июля 1922 года прошло совещание, на котором был выработан совместный план действий [11, с. 336]. Было решено сформировать в пределах Полоцкого уезда мобильную боевую группу, в которую бы входили представители всех структур, задействованных в борьбе с бандитизмом. Роль координирующего центра взяло на себя Пограничное особое отделение № 1, куда должна была поступать информация из отделов ГПУ (Государственное политическое управление при НКВД РСФСР), милиции, включая уголовный розыск. В начале августа начальники 2-го и 3-го районов Полоцкой уездной милиции рапортовали о том, что движение бандитов прекратилось [6, л. 50-53]. За первую неделю августа было зафиксировано только ограбление поезда Полоцк-Петроград на перегоне Клястица бандой из Лепельского уезда. К началу операции по ликвидации вооруженных формирований по официальным оперативным данным в регионе насчитывалось 130 бандитов. К концу сентября 1922 года было уничтожено из них 112 человек [1, с. 223]. Поэтому уже в сентябрьских обзорах информационно-инструкторского отдела ЦК РКП(б) утверждалось, что «бандитизм в Витебской губернии почти ликвидирован, остались только

разрозненные шайки, которые не представляют особой угрозы» [1, с 215]. Окончательную ликвидацию проявлений бандитизма было решено возложить на подразделения ГПУ.

Однако в начале 1923 года Витебский губисполком опять фиксировал всплеск преступности в губернии. Было принято постановление об ужесточении наказания за вооруженные налеты и ограбления: «все, кто был пойман с поличным на месте преступления и те лица, в отношении которых ходом дознания было установлена причастность к бандитским налетам, подлежали расстрелу» [1, с. 246]. Военное положение в Витебской губернии, за исключением Велижского уезда, было отменено в только начале марта 1923 г.

Список литературы и источников

1. Витебская губерния 1917 – 1924 гг.: док. и материалы / сост.: Н.В. Воронова [и др.]; ред. Кол.: В.И. Адамушка [и др.]. – Витебск: Витеб.обл.тип., 2012. – 408 с.
2. Дейнис, И.П. Полоцк в XX веке (1905-1967) // Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник. – КП – S 2774
3. Зверев Арсений Григорьевич «Записки министра» [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.litmir.co/br/?b=240093&p=10>. Дата доступа: 20.11.2016 г.]
4. Зональный государственный архив города Полоцка (далее – ЗГА г. Полоцка). – Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 68
5. ЗГА г. Полоцка. – Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 120 (а).
6. ЗГА г. Полоцка. – Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 121
7. История советского уголовного права. – М.: Юрид.изд., 1947. – 466 с.
8. Кур'яновіч Ю.У. Міліцыя Беларусі ў 1917 – 1939 гг.: арганізацыянае развіццё, дзейнасць па ахове грамадскага парадку і барацьба са злачыннасцю // Вестник МГИРО. – № 2 (12). – 2013. – С. 46-52.
9. Полоцк: исторический очерк / АН БССР, Ин-т истории; редкол.: П.Т. Петриков [и др.]. – Минск: Наука и техника, 1987. – 320 с.
10. Сумко, Е.В. Основные направления деятельности Полоцкой уездной милиции и ее обеспечение в 1921-1924 годах / Сумко Е.В., Прокопенко Н.В. // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки: научно-теоретический журнал. - Новополоцк, 2013. - № 9. - С. 116-121
11. Сумко Е. Специфика деятельности Полоцкой уездной милиции (1921-1924) // Vesture: avoti un cilveku. Daugavpils: Daugavpils Universitates, 2016. – s. 332 – 341.